

ОВЧИННИКОВ Олег Владимирович, доктор социологических наук, профессор филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Архангельске. Автор 79 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий, 14 учебных пособий, 14 учебно-методических пособий

ДВА ТИПА ЭКОНОМИК: ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Проблема механизмов функционирования двух типов экономик: рыночной и планово-распределительной, рассматривается в русле закона единства и борьбы противоположностей. После их разрушения в периоде хаоса «сжигается» все нежизнеспособное, и на базе реальных институтов двух прошлых экономик формируется Открытое Устойчивое Общество.

Ключевые слова: хозяйственный механизм, глобальный модифицированный инверсионный цикл, тезаурус, детектор, селектор, труд.

К началу XXI века стало ясно, что человечество в ушедшем столетии имело два крайних, тоталитарных варианта развития экономики: рыночная (оценочная) и экономика прямого продуктообмена (социалистическая, безденежная). Форма хозяйственного механизма у них одна и та же, состоящая из 4 элементов: формы, стимулы, связи, управление. Однако содержание в них разное. Если в рыночной экономике существует 50-60 форм бизнеса, то в планово-распределительной все предприятия – «единая фабрика». Стимулом в первой является прибыль, во второй – план. Связи между предприятиями в условиях рынка строятся на основе взаимовыгодных экономических договоров, в плановой имеют административный характер. И, наконец, в рынке каждая единица бизнеса находится на самоуправлении, в плановой эко-

номике все предприятия управляются из единого центра.

В течение столетия оба типа экономик интенсивно нарабатывали механизмы организации экономической, социальной, политической духовной жизни, и к концу XX века эти два типа экономик исчерпали свои возможности, стали работать против общества и природы. Административная экономика (планово-распределительная) показала свои неоспоримые преимущества в способности концентрировать ресурсы в экстремальных ситуациях (индустриализация, война, гонка вооружений). В этих условиях из минимума ресурсов получают максимум продукции. Однако ее отрицательная сторона – производства ради производства, полное равнодушие к потребителю. Это экономика тотального дефицита, тотальной

бедности и равенства, работающая по принципу: «Нас толкнули – мы упали; нас подняли – мы пошли». Как много люди ждали от социализма! «Я знаю – город будет, я знаю – саду цвести, когда такие люди в стране советской есть», – писал В. Маяковский. «В 1980 году советские люди будут жить при коммунизме», – провозгласили на XXII съезде КПСС в 1961 году. Но как едко заметил Г. Померанц: «Тощие коровы средств съели тучных коров целей. И наступил великий духовный голод»¹. Символично, что сразу же за падением Берлинской стены рухнула почти вся административная система (исключение – Куба, Северная Корея). Китай и Вьетнам осуществили переход в двухсекторную экономику, соединив преимущества и плановой, и рыночной.

Рыночная экономика, наоборот, раскрыла простор для инициативы людей: каждый стремился реализовать личный эгоистический интерес, а в результате выгоду имеет все общество. Сформировался код этой цивилизации: производство товаров управляется самими же товарами, главным из которых стали деньги, а бог бизнеса – потребитель. Государство регулирует экономику с помощью системы налогов. Возникла мощная система потребления, сверхпотребления, богачи и сверхбогачи. США, имея 3,5 % населения Земли, потребляют до 40 % всего добываемого в мире сырья, и их доля в мировом ВВП составляет до 20 %. Сверхпотребление быстро привело к исчерпанию ресурсов Земли, экологической катастрофе. Одновременно в финансовой системе мира возник гигантский финансовый циклон, который всасывает капиталы в центре (США, Япония, Европа) и с помощью кредитов и инвестиционных портфелей перекачивает их на периферию мира (Индия, Китай, Россия, Южная Африка). Однако при малейшей финансовой нестабильности капитал стремительно уходит с периферии, разрушая экономики целых государств.

Таков предельно обобщенный взгляд с точки зрения теории самоорганизации: две взаимопроникающие противоположности «рынок» и «антирынок», как плюс и минус, север и юг,

день и ночь, «стихи и проза, лед и пламень», обеспечили устойчивое развитие (порядок) на протяжении XX века. Но вначале одна крайность – планово-распределительная экономика в 1992 году вошла в состояние хаоса и стала осуществлять на практике переоценку как своих, так и чужих элементов. В науке это получило название глобального модифицированного инверсионного цикла: мгновенный переход из одной крайности в другую.

Модель же будущей социально-экономической, политической системы, вырастающей из хаоса рухнувшей планово-распределительной системы, зависит от накопленного опыта за прошлое время (тезаурус), от конкуренции и кооперации, существующих старых и нарождающихся новых элементов (детектор) и от селектора (идеала), который и отбирает эти элементы. В 2003 году правящая элита России провозгласила новый идеал – идеал «страны, которая прочно должна занять место среди экономически передовых и влиятельных государств мира»². А это значит, что РФ должна быть страной с развитым гражданским обществом, устойчивой демократией, с конкурентоспособной рыночной экономикой.

Однако, чтобы подтвердить или опровергнуть данную модель будущего, посмотрим на оставшиеся от прошлого (социализма) элементы, их органическую внутреннюю взаимосвязь на протяжении всего периода сосуществования с рыночной экономикой. Несомненно, что в идеологии эта взаимосвязь категорически отрицалась. Между ними была якобы пропасть, Берлинская стена, ничего общего. Попытки доказать, что такой пропасти у двух систем нет, что идет конвергенция, заканчивались жестокими преследованиями.

Но все это повествование – лирика, журналистский взгляд на систему. От нас же требуется научный анализ прошлой социально-экономической системы. За истекшие 10 лет исследователи далеко продвинулись в понимании социалистического лагеря, в котором проживало почти 32 % населения Земли, производилось более 40 % промышленной продукции,

33 % мирового ВВП и который занимал 27 % территории мира. Анализ показывает, что эта модель социализма возникла и развивалась как особенная цивилизационная форма, в ее основании лежал примат труда, а не капитала.

В определенном смысле можно считать, что социализм представлял собой иррациональную форму капитализма. С одной стороны, в его рамках осуществлялась ускоренная индустриализация, наращивался производственный потенциал в своеобразной форме основных производственных фондов (ОПФ), исключая их рыночный оборот, но все же в потенции – это капитал. С другой стороны, производственная структура складывалась на базе и по законам общественной кооперации живого труда.

Именно с этим связаны основные свойства социалистической экономики: экстенсивные критерии развития и политизации экономики, которая одновременно позволяла выжимать недоступный капитализму максимум абсолютной прибавочной стоимости и осуществлять редуцирование экономики таким образом, чтобы все производственные факторы интенсивной природы использовались для экстенсивного экономического роста. Экстенсивный характер социалистической экономики и ее политизация представляют собой единое качество³. Во-первых, в отличие от капитализма единица живого труда выступала не как физическая единица, а как собственно экономическая мера, отвечающая нерасчлененной микромакромодели, «представляющей народное хозяйство как единое целое, в котором промежуточные продукты планового периода уподобляются незавершенному производству». Соответственно, не требовалось денежной формы для включения труда в экономическую систему.

Иными словами, социалистическая экономика была не только натуральной экономикой, в отличие от денежной экономики, по Кейнсу, она была еще и экономикой будущего, в отличие от экономики настоящего, по Д. Хиксу⁴. Это крупнейшее изобретение человечества, точнее СССР.

Во-вторых, существовала социальная заданность управления общественным производством на основе непосредственного распределения живого труда. Финансово-денежные отношения были автономны от натурально-вещественных, хотя в конечном счете и зависели от них. Разрыв натурально-вещественного и финансово-денежного аспектов планирования и управления постоянно находился в центре критики экономической науки. Но указанное расхождение двух важнейших аспектов социалистического расширенного воспроизводства было неотторжимым от него⁵. Однако логика развития системы приводила к тому, что труд как ведущий фактор экономического роста обогащался своими превращенными формами. Происходила смена акцентов в планировании от натуральных показателей к стоимостным. Количественные изменения привели к необходимости перехода социалистической экономики в новое качество: к началу 90-х годов XX века полностью обнаружил себя режим перенакопления и псевдоэкстенсивного типа развития: все ресурсы оказались почти исчерпаны, а относительная потребность в ресурсах на один процент прироста ВВП была так велика, что прирост становился не только нулевым, но и отрицательным. Возникли реальные условия для рыночной трансформации планово-распределительной системы. Экономика социализма достигла своего потолка, накопив потенциал для перехода в новое качество.

Однако у правящей элиты 90-х годов возникла потребность разрушить до основания прежние структуры и создать заново рыночную экономику. Результат обнаружили после дефолта 1998 года, когда оказалось, что «шли в комнату, а попали в другую». Вместо цивилизованного рынка получили кланово-олигархическое средневековое государство. Повторили ошибку перехода от капитализма к социализму в начале XX века. Инверсионный маятник увел в противоположную сторону класс «новых русских», но реальное положение системы стало еще хуже, ибо законы саморазвития показывают, что в процессе рыночной трансформации

должны участвовать и старые, и новые институты, в результате чего идет отбор, усложнение системы. Это позитивный социальный потенциал трансформации, способный создать реальную энергетику реформирования.

Таким образом, в точке хаоса (бифуркации) 1992 года в качестве социального идеала (селектора) был взят ошибочный образец: капитализм эпохи первоначального накопления и национализм, которые безвозвратно уничтожили накопленные элементы будущего, сформированные социализмом. В числе их были Совет экономической взаимопомощи (СЭВ); СССР – как единое экономическое пространство; высокая вертикальная интеграция труда, выраженная в территориально-производственных комплексах на всем пространстве страны; социальная общность «советский человек», сформированный, как и американская нация, в плавильном котле царской и советской России; сильная социальная защита населения: СССР занимал первое место в мире по обеспеченности населения врачами, медицинская помощь гражданам оказывалась бесплатно, квартирная плата, включая коммунальные услуги, была низкой и составляла в среднем 3 % всех расходов семьи. Первое место в мире СССР занимал и по числу построенных квартир: например, в 1986 году 2100 тыс. против 1703 тыс. в США. Минимальным был и разрыв в доходах различных групп населения – 4 раза, как в современной Японии, Норвегии, Финляндии. Ошибочный выбор селектора в самоорганизации привел к тому, что в 2003 году система пришла вновь к точке бифуркации. Возник выбор: или кланово-олигархическое государство, кардинально преобразуясь, постепенно войдет в постиндустриальное общество на базе трансформированного потенциала социализма; или энтропийные процессы разрушают всю систему. Речь идет о создании многосубъектной, многоуровневой и многообразной экономической системы, что невозможно без формирования системы кругооборота национального капитала, ВВП и доходов.

Однако эта цель РФ – встать в число самых развитых стран – находится под сильнейшим

давлением процессов самоорганизации всей мировой системы.

Дело заключается в том, что пика своего развития рыночная и планово-распределительная экономика достигли к 70-м годам прошлого столетия. Символично, что экономический и образовательный потенциал того времени позволил СССР первым выйти в космос, а США – первыми достичь Луны. Если бы не корыстные интересы властвующих элит, то с конца 70-х годов два типа экономик плавно перешли бы в процесс конвергенции, формирования Открытого Устойчивого Общества. Однако у элиты рыночной экономики возникла иллюзия, что на путях неолиберализма она получит второе дыхание, но получили последнее. Та же история с плановой экономикой, ее идеей социализма с «человеческим лицом». Результат тот же, но только раньше. Однако трагедия не только в этом. В 70-е годы в общественных науках произошли крупнейшие открытия, которые политической элитой двух систем не были поняты и не использованы для своевременного перехода к Открытому Устойчивому Обществу.

Профессор макросоциологии Георгий Дерлужьян в своей работе «Тупик как историческая развилка» отмечает⁶, что из крупнейших достижений современной науки необходимо назвать военно-налоговую теорию Чарльза Тилли и Стойна Рокана, объяснивших истоки современных государств. Она гласит, что в основе был элементарный рэккет феодальных баронов, которые выдавали гарантии защиты, в первую очередь от самих себя, за согласие подданных регулярно платить дань. Впоследствии слово «дань» переименовали в слово «налоги». К примеру, дань в виде налоговых поступлений в бюджет РФ составила почти 11 трлн р. За это феодалы (политическая элита) обеспечивает некоторые общественные блага: жилье, дороги, систему здравоохранения и образование, порядок через полицию, пенсии, оборону и т. д.

Исчезла из науки теория революции, как «дитя» классовый борьбы (раб и рабовладелец, крестьянин и феодал, рабочий и капиталист). Оказалось, что в моменты экономического

кризиса, военного поражения элита раскалывается. И это является причиной революции, а народ – лишь «пушечное мясо». Так было в России в феврале 1917 с тремя вождями элит (царь Николай I – Керенский – Ленин), в августе 1991 (Лигачев – Горбачев – Ельцин), в нынешних арабских революциях.

В анализе рыночной деятельности экономические социологи Франции, Германии, США сформулировали нишевую теорию рынков – теорию монополистического соперничества между коалициями предпринимателей за поиск или создание новых рыночных ниш, относительно защищенных от конкурентного давления и поэтому дающих привилегированные нормы прибыли. Данная теория позволила объяснить войны, политическую борьбу, социальные сети, технологические инновации, культурные нормы.

Родившийся в Китае англо-ирландец Бенедикт Андерсон указал на новые подходы к рациональному пониманию феномена национализма.

Француз Пьер Бурдьё отточил концептуальный инструментарий для анализа организации поля культуры и социального структурирования поведения человека в общественных сетях.

Работающий в Англии итальянский социолог Диего Гамбетта и его соотечественники Пино Арлакки, Фортуната Пизелли, а также Федерико Варезе и наш русский Вадим Волков показали, как рационально, без фобий и теорий заговора анализировать феномен мафии.

Теоретический археолог Чикагской школы Тимоти Эрл убедительно и доходчиво суммировал новые знания о долгосрочной эволюции человеческих обществ.

Американец Иммануил Валлерстайн и итальянец Джованни Арриги создали принципиально новую историко-географическую политэкономии мировой системы.

Список можно продолжить и развивать. Прав Рэндалл Коллинз – американский социолог исключительно широкой эрудиции и спектра интересов, который считает вторую половину XX века самым продуктивным

в идейном плане периодом со времен классиков-первопроходцев (Маркса–Вебера–Дюркгейма) и даже золотым веком исторической макросоциологии⁷.

Эти крупнейшие открытия в исторической макросоциологии позволили в понимании общества перейти на принципы синергетики, точнее понимая, откуда мы пришли, кто мы. А от этого недалеко и до открытия вектора развития: «Куда мы (человечество) идем?».

Однако путь от открытий в науке до умов правящих элит очень длинный. В межгосударственных отношениях элита упорно отстаивает принцип «воина в джунглях»: «ковбой» демократического мира против нецивилизованных «индейцев» традиционных обществ. И требуются годы и десятилетия, чтобы нынешние студенты, осваивающие мир современной науки, сменили нынешние правительства, нынешних собственников. Но не поздно ли будет?

В России все намного сложнее и труднее. Мы еще не можем достичь согласия относительно прошлого страны, одновременно освоить новейшие достижения общественных наук Запада. И как следствие – теоретически туманное будущее.

К примеру, острая дискуссия среди элиты России развернулась по простейшей проблеме роли государства в современных условиях. Одни утверждают, что его роль в процессе модернизации должна усиливаться (как во времена индустриализации 30–50 годов XX века), другие, напротив, утверждают, что его роль должна уменьшаться, чтобы дать простор инициативе людей. Но кто прав? Теории для России пока нет, и только ошибки практики впоследствии дадут возможность выявить закономерности. Ясно одно: правящие элиты должны четко знать современные достижения науки, а в ситуациях неопределенности, когда нет готовых ответов, моделей обращаться к экспертам, чтобы минимизировать издержки. Так, в начале 2011 года российское правительство в лице премьера Владимира Путина обратилось к экспертному сообществу с запросом о формировании новой, посткризисной кон-

цепции экономической политики. Высшей школе экономики и Российской академии народного хозяйства и государственной службы предложено сформировать «экспертные площадки», на которых обсуждались бы проблемы социально-экономического развития страны. Далее на этой основе для будущей государственной программы. Это реальный спрос. Но это и реальный вызов, ответ на который продемонстрирует, насколько состоятельным является наше экспертное сообщество в принципе»⁸. Но здесь нас поджидает та же опасность, о которой предупреждал еще С.И. Вавилов: раскол российских элит на неолибералов и консерваторов. Одни тащат в классический капитализм 70-х годов в XX века, другие –

в советский социализм этого же времени. Одни за эталон принимают США, Англию, Францию, Швецию и даже Грузию, другие – Китай, который обошелся без неолиберализма, а лишь сильной государственной властью. Победа же любой из сторон ведет к трагедиям 1917–1991 годов: потеря государственности, неисчислимые бедствия. Поэтому в ходе острейшей борьбы за власть, пост Президента России в январе–феврале 2012 года все политические элиты сформировали свои программы модернизации России на базе шестого технологического уклада. Из этого калейдоскопа стратегий, часто взаимоисключающих, правящая и научная элита сформировала базовые принципы единого вектора развития страны до 2020 года⁹.

Примечания

¹ Померанц Г. Страстная односторонность и бесстрашие духа. М., 1998. С. 565.

² Путин В.В. Ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, Кремль, 15 мая 2003 года.

³ Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Трансформационный потенциал российской экономики // ОНС. 1998. № 2. С. 6.

⁴ Там же. С. 8

⁵ Бессонова О. Раздаточная экономика как российская традиция // ОНС. 1994. № 3. С. 37–48.

⁶ Эксперт. 2007. № 40. С. 76–86.

⁷ Там же.

⁸ Forbes. 2011. March. P. 32.

⁹ Путин В. Россия сосредотачивается. Ориентиры. Северодвинск, 2012.

Ovchinnikov Oleg Vladimirovich

All-Russian Distance Institute of Finance and Economics,
Arkhangelsk branch

TWO TYPES OF ECONOMIES: UNITY AND STRUGGLE OF OPPOSITES

The problem of functioning of the two types of economy: market and planned distributive is considered in line with the law of unity and struggle of opposites. After their destruction, in the period of chaos everything nonviable is being «burnt», and on the basis of real institutions of the two previous economies an Open Sustainable Society is being formed.

Key words: *economic mechanism, global cycle of a modified inversion, thesaurus, detector, selector, labour.*

Контактная информация:
e-mail: main.arhangelsk@vzfei.ru

Рецензент – Ульяновский В.И., доктор социологических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и менеджмента Института управления и регионологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова